

[ГВОЗДИКА]

Воспоминания о Дне Родителей были смутными.

Нет, можно было бы сказать, что их вообще не было.

Перед своей регрессией Ынха потерял свою семью в возрасте шести лет.

Он потерял своих родителей прежде, чем у него появилась возможность выразить им свою благодарность.

Пять лет жизни как аутичный человек после потери своей семьи, и жизнь, наполненная ненавистью к монстрам, вплоть до того дня, когда он умер.

«Мне жаль это говорить, но я немного боюсь его».

«О чем он думает весь день напролет? Каждый раз, когда я вижу его, он просто смотрит в небо».

«Ынха, кажется, не очень хорошо ладит с другими детьми в детском саду».

«Мам, я не очень хорошо к нему отношусь. Он мне не нравится.»

«Не будь таким. Ынха просто... в трауре.»

«...Но все же, разве это не повод быть благодарным за то, что пожилой человек воспитывает ребенка в одиночку?»

«Он игнорирует нас, даже если мы с ним разговариваем. Он просто держит рот на замке.»

«Парень немного не в себе».

Бабушка ничего не сказала. Она заботилась о нем до того дня, пока не закрыла глаза, даже когда люди вокруг нее боялись его, а иногда даже говорили, что он сумасшедший.

До сих пор Ынха никогда не выражал своей благодарности бабушке в День Родителей.

Когда он учился в начальной школе, он обычно делал гвоздики из цветной бумаги по мере приближения Дня Родителей.

Каждый раз Ынха мог только посмотреть на красную гвоздику из бумаги. Он не знал, для кого ему следует сложить её.

Но он должен был сделать гвоздику, чтобы закончить урок. Каждый раз он заставлял себя сделать гвоздику и запихивать ее в свою сумку.

Ынха никогда не дарил гвоздику своей бабушке.

Он не знал, как выразить это словами.

Он не знал, какое лицо ему следует сделать, когда он будет отдавать её ей.

В тот момент, когда он вручил гвоздику своей бабушке, ему показалось, что что-то подходит к полному завершению.

Понимала ли моя бабушка его сердце?

Конечно, она должна была знать. Его бабушка могла видеть насквозь все, что угодно.

Разбирая школьную сумку Ынха, когда он вернулся домой, его бабушка не упомянула о гвоздике, которая была внутри.

Вместо этого она повесила незначительную гвоздику на вешалку для обуви.

В следующем году. Через год после этого.

Наспех сделанная гвоздика, словно подталкиваемая чем-то, была выставлена где-то в доме.

Было ли это письмо, которое пришло следующим?

В средней школе их попросили написать письма по мере приближения Дня Родителей.

Он не мог вспомнить, что именно передал своей бабушке.

Причина, по которой он не мог вспомнить, вероятно, заключалась в том, что содержание не стоило запоминания.

Единственное, что он помнит, - это как разорвал письмо по дороге домой.

Зачем он тогда это сделал?

Смерть позволила ему оглянуться на себя объективно.

Проживая свою вторую жизнь, он оценивал свое "я" до регрессии как молодое, уродливое и трусливое.

Трус.

В то время он думал, что избавится от своей тоски по семье, когда передаст гвоздику своей бабушке. Он думал, что его ненависть к монстрам ослабнет, когда он отдаст ей письмо.

Оглядываясь назад, он понимал, что гвоздика и письмо были всего лишь простыми поводами.

Они были не более чем катализатором для молодого человека, позволившие ему избавиться от тоски по своей семье и начать новую жизнь, свободную от оков жалкого существования.

Так что его бабушка, должно быть, молча ждала его.

Ждала, когда он отпустит свой гнев по отношению к миру. Ждала, когда он освободится от всех оков, которые его связывали, и заживет своей собственной жизнью.

Но Ынха никогда не делился с ней своими чувствами до самого дня, когда она скончалась. Несмотря на то, что путь к счастью был прямо перед ним, он выбрал путь несчастья.

До самого конца он задавался вопросом, что думает о нем его бабушка.

Находила ли она его милым, человека, который так и не смог освободиться от смерти своей семьи?

Он не мог знать.

Говорят, что родительское сердце подобно океану, и для него таким была его бабушка.

У него было смутное представление, но он не хотел делать предположений о сердце своей бабушки.

Тот, кто только однажды столкнулся лицом к лицу со смертью и стал свободным от всего, может сказать две вещи.

Ему жаль, что он был неблагодарным ребенком.

"Спасибо тебе за то, что вырастил меня."

Он сожалел, что не говорил ничего из этого более 32 лет.

Ему хотелось сказать это хотя бы раз в жизни.

Если бы только его бабушка услышала от него эти слова, когда была еще жива.

Это были единственные слова, которые он мог сказать своей бабушке.

Он был неблагодарным ребенком, который даже не смог бы пожаловаться, если бы попал в ад.

Итак, в этой жизни он полон решимости—

«Я сложу тысячу журавликов!»

«Этот идиот думает, что гвоздика - это ветка!»

Вздых

— Он складывает гвоздики.

Дети были все такими же шумными, как всегда.

□

Приближался май. Приближалось время, когда он потерял свою семью.

До сих пор Ынха не сталкивался с этим.

Существовали ограничения на передвижение с телом шестилетнего ребенка.

Например, он умолял свою мать позволить ему одному бегать по поручениям.

И пока он покупал вещи, о которых его просили в магазине, он позвонил в Кореysкое агентство по управлению маной по телефону общего пользования.

«Алло?»

«Это агентство по управлению Маной?»

«Да. Сколько тебе, случайно, лет?»

«Мой возраст? Мне шесть лет.»

«*вздых* Ладно, Итак, зачем вы нам позвонили? Этот звонок записывается, поэтому, если вы сделали этот звонок в качестве розыгрыша, это может вызвать проблемы».

«Я звонил не для розыгрыша».

«Ладно, извини. Итак, что я могу для вас сделать?»

«4 мая, вечером, на реке Хан произойдет крупномасштабная волна монстров. Среди появляющихся монстров будет Кракен, который вызовет множество жертв...»

«...Ладно. Пожалуйста, не звоните нам по таким вопросам. Полиция придет за тобой, если ты это сделаешь. Ты можешь сейчас повесить трубку?»

«Нет, то, что я сказал, не ложь...»

Расстроенный Юнха объяснил свою историю по телефону, но не было никого, кто поверил бы словам ребенка.

В конце концов, все, что он услышал, был звуковой сигнал отключенного вызова.

«Почему бы мне просто не сказать, что я регрессировал?»

Он на мгновение задумался об этом.

Но кто поверит рассказу ребенка, как только он позвонит в агентство по управлению Маной?

В конце концов, лучшее, что он мог сделать, - это приберечь свою ману на случай худшего.

Он пришел в отчаяние, когда понял, что после шести лет отчаянных сбережений он даже не коснулся поверхности того, что накопила Юна.

Проведя так много времени в мире игроков, он знал, что усилия не победят талант.

Но когда он воочию убедился, что шесть лет напряженной работы не помогли, он не мог не почувствовать разочарования.

Тем временем время шло.

В детском саду было тихо.

Он проводил свои дни за чтением в одиночестве или спал в углу.

Ын Хек, который руководил издевательствами, подходил и пытался изводить его любым возможным способом.

Это по-детски, но мне это нравится.

Издевательства сопливых ребяташек не убьют его.

Скорее, он держался в стороне и игнорировал детей, которые глазели на него.

Дело было не в том, что все дети не подходили к нему.

Дети по соседству окликнули бы его, если бы он попытался что-нибудь сделать.

Даже когда он сказал им, что не хочет играть, они, казалось, привыкли к этому.

А как насчет девочек?

После того дня девочки не могли игнорировать Ынху, который остался один.

За кулисами девушки относились к нему по-доброму, иногда даже чересчур, что заставляло его чесать в затылке.

Да всё равно

При таких обстоятельствах Ын Хек ни за что не стал бы сидеть сложа руки, и его подлые домогательства к Ынхе усиливались с каждым днем.

Конечно, Ынха была не из тех, кто сидит сложа руки. Этот парень долгое время смотрел не на того человека.

Зуб за зуб, око за око.

Ты получаешь то, что заслуживаешь.

Правилом Ынха было не недооценивать детей.

Ын Хек и его последователи, Ма Банджин и Ен Сонджин были одинаково плаксивы, когда они пытались запугать его и получали ответный удар.

В мужском мире существовало негласное правило: если ты показываешь слезы, ты проигрываешь.

В тот день они проиграли Ынха на глазах у детей.

«Почему ты такой мелочный?»

«Ты тот, кто это начал».

«Ты трусливый».

«Верно, я трусливый. Я мелочный!»

«Ну и что? Ты хочешь продолжить? Должен ли я заставить тебя на этот раз наложить в штаны?»

Это был тот же самый человек, который захватил в плен и пытал своих бывших врагов перед своим регрессом. Он знал, где атаковать и где провоцировать.

В тот день детям пришлось пережить его пытки. К концу Ын Хек был в слезах, сопливый и говорил, что поступил неправильно.

После этого гордость Ын Хека была сильно задета, издевательства стали происходить гораздо реже.

Напротив, другие дети с интересом подходили к нему.

К тому времени, когда он понял это, в классе было три группы детей: одна для Минджи, одна

для Ын Хека и смешанная группа для Ынхи.

Это было поистине общенациональное соревнование.

Дети в шутку обсуждали, кто возглавит группу Вечнозеленая Сосна.

Нет, в этом нет необходимости. Пожалуйста, оставьте меня в покое.

Таков был результат.

«Вздых... Нет времени отдыхать, совсем нет времени.»

Сегодня был день изготовления гвоздик. Дети делали гвоздики так, как их учил мистер Тайо.

Вопрос был в том, кто сядет рядом с Ынха.

«Ынха, посиди со мной».

«Я собираюсь сесть рядом с Ынхой, все остальные уходят.»

«Да ладно тебе. Я тот, кто ближе всего к нему».

«О, да ладно, мы с Ынхой тоже лучшие друзья».

«Да ладно тебе. Ынха, с кем ты хочешь посидеть?»

Нет, он хотел посидеть один, пожалуйста, уходите.

В тот момент, когда Ынха, не задумываясь, сел за круглый стол, началась война.

Дети начали суетиться и требовать, чтобы они тоже сели за его стол.

Хааа, он хотел домой.

Если бы Минджи не села рядом с ним, произошло бы кровопролитие.

Но не обижайся на меня за то, что я тебе должен, Минджи!

«Это так ты его складываешь?»

«Отдай её мне, ты, жевун. Твой учитель сказал тебе сложить его вот так!»

«Я не жевун!»

«Да, жевун~»

«Ты серьезно?»

Минджи была не очень ловкой. Даже несмотря на детальные инструкции мистера Тайо, она могла лишь небрежно имитировать процесс.

Она была не единственной. И другие дети тоже.

Они обращались к мистеру Тайо при каждом удобном случае, и результаты их похожих на папоротник рук были катастрофическими.

От шестилетнего ребенка многого не жди.

"Хаа, я ничего не могу с собой поделывать."

Если бы они продолжали обращаться к мистеру Тайо, то не смогли бы закончить вовремя. Несмотря на то, что это раздражало, Ынха решил помочь детям, которые не могли сложить гвоздики.

Он не в первый раз делает гвоздики.

Еще до своего регресса он каждый год складывал гвоздики, пока не перешел в среднюю школу. После того, как он увидел образец, приготовить их было нетрудно, хотя он и не мог вспомнить.

Однажды он получил гвоздику от Бэкрён

Это было, когда игроки издевались над ним, называя «Дурачком маленькой принцессы».

Он только что вернулся после убийства игроков, которые напали на него из засады, и был занят устранением запаха крови.

Несмотря на то, что его называли сумасшедшим, он должен был вытереть кровь со своего тела ради Бэкрён, которая все еще училась в начальной школе.

Если бы его поймали, Юджун отругал бы его.

Быстро приняв душ, он решил съесть немного рамена, чтобы утолить голод.

И как раз в тот момент, когда он собирался опустить лапшу в кипящую воду, Бэкрён вернулась домой из школы и потянула за его одежду.

‘Дядя Ынха. Умм, спасибо тебе за заботу обо мне.’

Бэкрён протянула гвоздику с голосом, похожим на комариный.

‘...Э-э, да.’

‘...У меня хорошо получается их делать, верно?’

‘...Да. ...Спасибо тебе.’

‘Маме тоже очень понравились мои гвоздики.’

Когда она протянула ему гвоздику, Бэкрён даже прослезилась.

Он мог представить, что она, должно быть, чувствовала, когда делала гвоздики в школе, и что она чувствовала, возвращаясь с ними домой.

Потому что он тоже был там.

Но он не знал, как успокоить ее плачущую.

Успокоение было не по его части. Убийства - возможно.

Это было все, что он мог тогда сделать,

‘...Не хочешь рамена? Сегодня День Родителей, так что давай съедим рамен.’

Он варил для нее рамен.

‘А.. Просто дай мне рамен. И сверху нарежь немного зеленого лука’.

‘Многого хочешь. Садись. Я приготовлю его быстро, чтобы ты могла взять его с собой. Хочешь яйцо?’

‘Да, пожалуйста, положите в него яйцо! И... я ещё хочу рис! И кимчи!’

Сама того не осознавая, она перестала плакать и напевала какую-то мелодию, ожидая, пока он закончит варить рамен.

Вспоминая об этом сейчас, он понимал, что это было трогательное чувство, которое естественным образом пришло мне на ум.

Интересно, было бы так же, если бы у него была дочь?

Это было неплохое чувство.

Поэтому он втайне с нетерпением ждал того дня, когда она каждый год будет дарить ему гвоздику.

Они с нетерпением ждали того дня, когда смогут вместе приготовить рамен.

Но в какой-то момент она перестала дарить ему гвоздики.

<http://tl.rulate.ru/book/95585/3272886>